

*Александр Петрович
Университет г. Крагуевац*

МОСТ, ЧЕРЕЗ КОТОРЫЙ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ ПЕРЕЙТИ Русские ученые — члены Сербской королевской академии после Октябрьской революции

*Истина познается в сравнении
Владимир Фармаковский*

Сербское естествознание нового времени начинается с работы Афанасия Ивановича Стойковича (1773—1832), опубликовавшего в 1801 г. первое сочинение о физике на сербском языке¹. Его научная карьера достигла вершины при переезде в Россию, где он стал ректором Харьковского университета и членом Императорской академии наук. Имя автора трудов о «воздушном камне» носит гора на месте падения тунгусского метеорита². Огнеслав Степанович Костович (1851—1916), вошедший во многие русские энциклопедии, несколько десятилетий спустя едет в Россию и как изобретатель достигает значительных результатов в области воздухоплавания, морской техники, прикладной химии и изучения двигателей внутреннего сгорания³.

Приведены лишь два самых известных примера, иллюстрирующих вековое движение сербского народа, интеллектуалов и ученых к России. Не секрет, что объяснение тому в значительной мере кроется в тяжелых исторических условиях, в которых столетиями находилось сербское государство.

Исход же русской интеллигенции и ученых в результате Октябрьской революции изменил вековое течение истории и оказался совершенно новым опытом для сербской культуры. Хотя Сербия, как и США, в середине XIX в. в процентном отношении была страной самой

¹ *Грубич А.* Два столеча геологие у Фисици Атанасия Стойковича // Скривени хоризонт — размеджа историе српске науке (уредник Александар Петрович). Крагуевац, 2006. С. 21—44.

² *Милоградов Е.* Атанасие Стойкович и история ваздушног каменья // Флогистон — часопис за историю науке (уредник Александар Петрович). № 11. Београд, 2001. С. 15—46.

³ *Янич Ч.* Проналазач и конструктор Огнеслав Костович // Скривени хоризонт — размеджа историе српске науке (уредник Александар Петрович). Крагуевац, 2006. С. 55—108.

большой иммиграции, со времен падения Византийской империи не было случая одновременного появления в стране такого значительного количества известных ученых⁴. Это также один из редких примеров того, как довольно большая группа представителей интеллигенции всего лишь за три года переселилась из одной страны в другую, из одной культуры в другую культуру. Поэтому так увлекательно наблюдать за судьбой и влиянием этой группы на принявшую ее страну⁵.

До начала 1922 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев пришло 836 русских инженеров, 108 агрономов, 88 университетских преподавателей, 370 преподавателей средней школы, 185 врачей, 401 судья и юрист, 133 адвоката, 150 профессиональных художников. Из них на философском факультете в Белграде работало 19 преподавателей, на юридическом — 6, богословском — 5, технологическом — 20, сельскохозяйственном и лесном — 11, медицинском — 11. Всего в Белградском университете преподавали 70 русских ученых, в Загребе — 20, в Любляне — 17. Во всех университетах Королевства работало 120 русских преподавателей⁶.

Подробное исследование жизни и деятельности такой большой группы представителей интеллигенции видится лишь в далекой перспективе, а нашу задачу мы ограничились краткой зарисовкой этого процесса на примере ряда русских ученых, получивших самое большое научное признание в сербской культуре — членство в Сербской королевской академии наук и искусств. Некоторые русские ученые приехали в Сербию еще детьми и были приняты в Сербскую академию наук и искусств после Второй мировой войны (Георгий Александрович Острогорский и Константин Петрович Воронец). Но мы обратим внимание на девять исследователей, сложившихся как ученые и получивших признание еще в России, до Второй мировой войны: это — математик Антон Дмитриевич Билимович (1879–1970), геолог Владимир Дмитриевич Ласкарев (1868–1954), математик Николай Николаевич Салтыков (1872–1961), юрист Евгений Васильевич Спектор-

⁴ *Шолая Вл., Магдич А.* Путеви српског инжењерства током XIX века. Београд, 1994.

⁵ *Йованович М.* Руска емиграција на Балкану (1920–1940). Београд, 2006. Также на русском языке: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах (1920–1940). М., 2005.

⁶ *Миленкович Т.* Друштво руских научника у Југославији // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 61.

ский (1875–1951), юрист Федор Васильевич Тарановский (1875–1936), инженер-механик Яков Матвеевич Хлытчиев (1886–1963), филолог Степан Михайлович Кульбакин (1873–1941), инженер-механик Владимир Владимирович Фармаковский (1880–1954) и химик Николай Антонович Пушкин (1875–1947). Это совсем небольшая группа, учитывая, что в Сербию до 1921 г. приехало 3237 иммигрантов с высшим образованием, включившихся в административную, хозяйственно-экономическую, образовательную и научную систему Югославии⁷. Возьмем эту группу в качестве примера, так как в Академию было сложно попасть и, кроме высшего образования и научных заслуг, необходимо было иметь общественный статус. Членство русских эмигрантов в этом учреждении может в определенной степени быть применимо в качестве мерила их общего значения в сербской культуре.

В приведенном списке академиков уже с первого взгляда виден «перевес» естествознания и техники по отношению к гуманитарным дисциплинам: из девяти человек только трое являются учеными-гуманитариями. Показательно, что симбиоз двух культур наиболее плодотворно выразился в области науки и техники. Также отметим, что самые признанные сербские ученые в русской культуре, А. И. Стойкович и О. С. Костович, также внесли свой вклад в эти дисциплины. Обычно при рассмотрении исторических и культурных отношений двух стран естествознание и техника не выходят на первый план, но все же общий знаменатель обе культуры нашли именно в этой области. После Второй мировой войны самым плодотворным оказалось сотрудничество именно в этой сфере, что еще раз подтверждает нашу мысль.

Хотя сербская научная элита с начала XX в. в основном получала образование в западноевропейских университетах, она не потеряла культурную и эмоциональную связь с русской культурой и осознавала значение прихода русской иммиграции. В югославские дипломатические представительства, в первую очередь в Константинополе, через которое поступало наибольшее количество беженцев, было разослано обращение географа Йована Цвиича, приглашавшего русских ученых продолжить работу в Королевстве Югославия. Безусловно, это было частью государственной политики, в результате которой страна приняла около 40000 беженцев, пришедших с шестью иммиграционными волнами с 1919 по 1921 г. Из них в Югославии, в основном в Сербии, постоянно проживало около

⁷ *Йованович М.* Доселяване руских избеглица у Кралевину СХС. Београд, 1996.

25 000⁸. Необходимо иметь в виду, что это был момент формирования Королевства сербов, хорватов и словенцев после Первой мировой войны, в которой погибло более половины мужского населения Сербии.

Отношение русских ученых к новой среде лучше всего иллюстрирует пример геолога Владимира Дмитриевича Ласкарева, который, работая в Сербии, первый открыл существование в позднем палеогене моря, простиравшегося от Швейцарии до юга России, и назвал его Паратетис⁹. Он решил приехать в Сербию, ознакомившись в сербском представительстве в Константинополе с обращением Йована Цвиича, в котором упоминалось, что Сербия потеряла в войне большую часть интеллигенции и с радостью примет русских ученых¹⁰. Ласкарев до конца жизни остался в Сербии, но не отказался от надежды вернуться в Россию. Поэтому он не мог решиться перейти в сербское подданство и три десятилетия работал преподавателем с низкой заработной платой, которой едва хватало на его тихую и уединенную жизнь. Он говорил немного и медленно, слегка заикаясь, как будто каждый раз подыскивая нужное слово. Ласкарев не боролся за деньги и карьеру и «никогда ничего для себя не просил», но упорно ждал, пока ему предложат, и только тогда соглашался. Жил скромно, в семействе сестры и племянников, не был женат, посвятив всего себя без остатка геологии¹¹. В 1924 г. Ласкареву предложили принять сербское гражданство, но он отказался, мотивируя это тем, что надеется вернуться в свою страну, в Одесский университет. Однако в 1926 г., получив телеграмму II Всесоюзного конгресса геологов СССР с приглашением вернуться на родину, он от такого приглашения отказался. По его словам, он хранил телеграмму как орден, на груди¹². Ласкарев принял югославское гражданство только в 1950 г. По воле В. Д. Ласкарева его могила в Белграде покрыта русской землей, которую привезли пилоты авиакомпании «ЈАТ».

⁸ *Йованович М.* Руска емиграција на Балкану.

⁹ *Стеванович П.* 50 година од прокламовања Паратетиса у Српском геолошком друштву. У спомен двадесетогодишнице смрти В. Ласкарева // Записници Српског геолошког друштва за 1974. Београд, 1975. С. 69–78.

¹⁰ *Грубич А., Пантич Н.* Владимир Димитријевич Ласкарев // Живот и дело српских научника. Кн. 6. Београд, 2000. С. 3–41.

¹¹ *Стеванович П.* Медјусобна сарадња и удео Петра Павловића и Владимира Ласкарева, два истакнута академика у проучавању неогена и квартара // Геолошки анали Балканског полуострва. Кн. III. Св. 1. С. 1–14.

¹² *Ласкарев В.* Др. Владимир Ласкарев, дописни члан (аутобиографија) // Годишњак Српске краљевске академије за 1932. Београд, 1932. С. 195–200.

Такая сильная приверженность человека и к России, и к Сербии показывает, что приехавшие ученые способствовали строительству надежного моста между двумя культурами. В. Д. Ласкарев, представляя лучшее в русской геологии, занимался в Белграде палеонтологией на кафедре геологии и объединил свой опыт с достижениями геологии западно- и центрально-европейских государств, а также с сербской национальной геологической школой Йована Жуйовича¹³. Послужив такой опыт моделью для сербско-русских отношений, он бы смог еще больше сблизить обе культуры.

Все девять русских ученых являются примером того, насколько полно человека поглощают проблемы, которыми он занимается. Еще на пути в Югославию, находясь в карантине на греческом острове Принкипио, В. Д. Ласкарев исследовал морскую террасу, которая, по его мнению, соответствовала второму межледниковому периоду¹⁴. Он был без остатка предан своей работе до последних дней жизни; на девятом десятке Ласкарев активно работал в Университете и в сербской геологической службе¹⁵.

Полная самоотдача характерна и для работы профессора Якова Матвеевича Хлытчиева. В начале Второй мировой войны он был арестован гестапо и заключен в лагере в Белграде. Он просил супругу принести в лагерь учебник „Lehrbuch der Physik“ Вильгельма Вестфаля, объемом около шестисот страниц. Такое необычное пожелание — результат особого отношения к жизни, которое проявило себя и в тот момент, когда Хлытчиев в марте 1920 г. приехал в Белград¹⁶. В то время

¹³ *Стеванович П.* Др. Владимир Ласкарев (1868–1954), некролог // Геолошки анали Балканског полуострва. Кн. XXIII. Београд, 1955. С. 1–18.

¹⁴ *Стеванович П.* Научна делатност академика В. Ласкарева // Записници Српског геолошког друштва за 1954. годину. Београд, 1956. С. 105–112.

¹⁵ *Грубич А.* Владимир Димитриевич Ласкарев: Председници и истакнути стари чланови Управе Српског геолошког друштва // Споменица сто година Српског геолошког друштва 1891–1991. Београд, 1992. С. 153–154.

¹⁶ Первый письменный документ — регистрация в квартире на ул. Николаевской № 41, заверенная 17 марта 1920 г. Первый документ о начале его работы — Свидетельство Министерства просвещения Королевства сербов, хорватов и словенцев, выданное 4 апреля 1920 г., подтверждающее назначение на должность преподавателя технического факультета Белградского университета «по курсам механики и графостатики и гидравлики». Он активно работал в Белградском университете до 1958 г. и после выхода на пенсию продолжил преподавать теорию упругости на строительном факультете университета.

в Белграде находился инженер, механик Степан Прокофьевич Тимошенко из Петербургского Политехнического института, работавший в той же научной сфере. Тимошенко знал, что Белград слишком мал для специалистов из одной области и предложил бросить монету, которая и решила, что Хлытчиев останется в Белграде. С. П. Тимошенко позднее уехал в США и стал профессором Стэнфордского университета. Я. М. Хлытчиев, как и В. Д. Ласкарев, показал большую приверженность принявшей его стране: он ответил благодарностью за предложение занять должность штатного преподавателя в Пражском Техническом университете в 1922 г., но отказался там работать и остался в Белграде.

Гестапо в тот же самый лагерь поместило математика Н. Н. Салтыкова и электрохимика Н. А. Пушина. Это свидетельствует о том, что исследуемая группа прошла все трудности войны и была полностью интегрирована, во многом разделив исторические горести сербского народа. Поэтому после окончания Второй мировой войны все русские члены Академии были возвращены на университетские кафедры¹⁷.

Конечно, точного мерила количественного вклада русских ученых не существует, но и в первом приближении становится ясно, что многие научные области получили весьма сильный импульс, а некоторые и не существовали в Сербии до приезда русских ученых. Это было своего рода возрождение, воодушевившее сербскую науку, находившуюся в начале XX в. на подъеме, повторить который позднее не удалось.

Все русские ученые прибыли в Сербию уже признанными специалистами, получившими образование в Петербурге и имевшими опыт исследовательской работы, в том числе и за рубежом, в первую очередь в Германии. Профессор Владимир Владимирович Фармаковский, жизненный девиз которого гласил «Истина познается в сравнении», еще в 1914 г. был избран профессором кафедры прикладной механики Политехнического института императора Александра II. В 1920 г. он прибыл в Королевство сербов, хорватов и словенцев, уже достигнув

¹⁷ Профессор Я. М. Хлытчиев в 1945 г. был выбран заведующим кафедрой технической механики технического факультета Белградского университета. Кроме того, он читал курс сопротивления материалов и теорию упругости на строительном факультете, а также теорию осцилляции на машиностроительном факультете. На этом же факультете его стараниями было организовано кораблестроительное отделение, на котором Хлытчиев преподавал теорию корабельных конструкций.

известных результатов в теоретических и экспериментальных исследованиях тепловых процессов в локомотивных двигателях, и в тот же год стал профессором Белградского технического университета, а затем членом Сербской королевской академии наук и искусств. После его смерти академический Технический институт получил имя Владимира Фармаковского¹⁸.

Можно сделать вывод, что первая составляющая научного и общественного успеха этой группы русских ученых основывалась на эффективной передаче знаний. Плодотворность объясняется европейским уровнем русских университетов и институтов начала XX в. и, следовательно, высоким уровнем подготовки специалистов. В математике и родственных ей науках передача знаний могла осуществляться напрямую, но в области техники русские ученые стояли перед задачей поднять не только общий образовательный и технологический, но и институциональный уровень в своей новой среде. Они вкладывали огромные силы в развитие своих дисциплин, но сталкивались с большой инертностью системы. Хорошим примером служит Н. А. Пушин, оставивший в 1920 г. Россию уже сформировавшимся ученым.

В 1913 г. Н. А. Пушин был избран ординарным профессором химии и электрохимии Петербургского электротехнического института. В Геттингене он изучал активность бинарных лигирующих элементов при высоком давлении, а Д. И. Менделеев еще в 1906 г. цитировал его работы по этому вопросу. Во время Первой мировой войны он участвовал в обороне страны, являлся советником правительства в вопросах создания средств защиты против боевых отравляющих веществ¹⁹. В эмиграции для проведения исследований Пушин основал в Загребе в 1921 г. Институт физической химии. «По приезде в Загреб профессор Пушин обнаружил старый химический завод в жалком состоянии. В старое здание годами ничего не вкладывали... Проф. Пушин с большой самоотдачей, терпением и огромной энергией приступил, в первую очередь, к организации преподавания физической химии, а потом и к устройству лаборатории»²⁰.

¹⁸ Савич З. Владимир Фармаковски // Живот и дело српских научника. Кн. 9. Београд, 2004. С. 1–46.

¹⁹ Тутунджич П. С. Др. Никола Пушин (некролог) // Гласник хемийског друштва. №12. Београд, 1947.

²⁰ Дежелич М. Почети кемијске наставе на Свеучилишту у Загребу // Croatica Chemica Acta. 50. 1977.

Это был значительный шаг вперед, но с другой стороны только в 1927 г. Пушин смог обеспечить материал и более совершенное оборудование для лаборатории, сгоревшей в 1924 г. в пожаре. Тогда должность директора Университетского химического завода была предложена Н. А. Пушину, который кроме научной работы должен был выполнять функции управленца. Однако отказ в избрании на должность ординарного профессора в связи с тем, что область его исследований слишком узка, вынудил Пушина вернуться в 1927 г. из Загреба в Белград на должность ординарного профессора Технологического факультета²¹. В Белграде его исследования получили приличное финансирование, так как в них были заинтересованы военные специалисты. Благодаря такой поддержке он смог создать на факультете отличный микроклимат, в котором выросли многие успешные исследователи.

Внешние обстоятельства отражались и на работе ряда других русских ученых. Например, Яков Хлытчиев, специалист в области кораблестроения и преподаватель курса по теории упругости технического факультета в Белграде, получивший научную репутацию еще в Санкт-Петербургском Политехническом институте и в Херсонском Политехническом институте, занимался не только преподаванием, но и был директором предприятия по установке систем центрального отопления, по эксплуатации древесных материалов и возглавлял общество по минеральным ресурсам. Здесь он достиг определенного успеха, обусловленного в значительной степени опытом работы в качестве главного инженера Технического бюро Адмиралтейской верфи в Петербурге²². Возможно, из-за этого он не закончил свою последнюю книгу «Прочность бетонных конструкций», эту работу он считал делом жизни, а уже Британское издательство „Pergamon Press“ приняло ее к публикации²³.

Из опыта передачи знаний — первой составляющей успеха русского научного сообщества в Белграде, выросла вторая составляющая, которая еще убедительнее подтвердила вклад этих ученых. Она тяжелее поддается определению, но не менее существенна. Речь идет

²¹ *Михолич С.* Проф. др Никола А. Пушин (некролог) // Архив за кемию. № 19. 1947. С. 149.

²² Наташа Наерлович-Велькович, Яков Матвеевич Хлытчиев // Живот и дело српских научника. Београд, 1998. С. 231–270.

²³ В научных трудах, опубликованных за рубежом, подписывался как J. M. Klitchieff.

об огромном трудовом азарте, энтузиазме русских ученых. Ни один из них не демонстрировал ни капли послевоенного синдрома. Напротив, их отличала необычайно сильная энергия, жизненный оптимизм, готовность решать сложные задачи и находить выход из любой ситуации. Несмотря на пережитую ими огромную историческую и личную трагедию, все русские ученые активно продолжали исследования, начатые в России. К ним тянулись люди — лекции профессора В. В. Фармаковского зимой 1946 г. с горячим энтузиазмом слушали студенты в заледенелых помещениях и с большим восхищением говорили о них.

В русском научном сообществе в югославской эмиграции самое видное место занимал Евгений Васильевич Спекторский, в прошлом — ректор Киевского университета, и с 1920 г. — председатель Общества русских ученых в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Его заместителем был Федор Васильевич Тарановский, в прошлом — профессор славянского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Кассиром был Антон Дмитриевич Билимович, приехавший в Белград в возрасте 40 лет как ординарный профессор Новороссийского университета в Одессе, автор ряда работ, опубликованных в русских и европейских журналах. Жизнь и работа А. Д. Билимовича четко разделена на две части, полвека он проработал в Белградском университете, стремительно поднял научный уровень механики в Сербии и с огромным воодушевлением начал ряд работ, выходящих за рамки обычной университетской деятельности²⁴.

В 1926 г. А. Д. Билимович замыслил, организовал и впоследствии был избран председателем Клуба математиков Белградского университета. Этот клуб способствовал развитию математики как науки в Сербии и привел к результатам мирового значения²⁵. Билимович создал журнал „Publications“, который и по сей день является эталонным журналом в мире математики, и основывал школу аналитической механики, имевшую ряд известных последователей и работающую по сей день. Ему удалось совладать и с брешью, появившейся в результате военной неудачи Королевства Югославии. Усилиями Билимовича Клуб математиков превратился в Математический институт Сербской

²⁴ Двадесет пет година студијске групе за механику 1952–1977 // Зборник радова. Природно — математички факултет Универзитета у Београду. Београд, 1977.

²⁵ *Леко М.* Сечане на стваралаштво професора Антона Биломовича // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд. 1994.

академии наук²⁶. Его влияние на современную математику в Сербии ощущается и по сей день. Работа Билимовича по переводу тринадцати томов «Элементов геометрии» Эвклида на сербский язык не потеряла своей ценности.

Математик Николай Николаевич Салтыков в течение нескольких десятилетий активно занимался реформой сербской средней школы²⁷. Его деятельность оказалась важна и для окончательного принятия русской научной школы в сербской культуре. Н. Н. Салтыков начал исследования в области истории науки, находившейся в то время в Сербии в зачаточном состоянии²⁸. Изучая деятельность Марина Геталдича, Салтыков обнаружил в Риме частную коллекцию и сфотографировал портрет этого физика эпохи Ренессанса.

Федор Васильевич Тарановский, профессор Белградского юридического факультета, имел возможность жить и работать в Варшаве, Софии и Белграде²⁹. Его, как оказалось оправданный, выбор все же пал на Белград. На юридическом факультете Ф. В. Тарановский занимался систематическим исследованием сербского раннесредневекового права. С 1920 по 1936 г. Тарановский посвящает себя изучению различных памятников сербского права, в первую очередь законника Стефана Душана³⁰. Дело его жизни — «История сербского права в государстве Неманичей» — единый, полный, систематический анализ всех видов правовых отношений в сербском средневековье³¹. Завершая эту работу, в предисловии ко второй книге «Истории сербского права» Тарановский пишет: «Публикацией этой книги я завершаю нашу работу по систематической обработке истории сербского права в государстве

²⁶ Споменика посвечена преминулом академику Антону Билимовичу: Српска академия наука и уметности. Посебна издана. Кн. 52. Београд, 1971.

²⁷ Салтыков Н. Проблеми спреманя наставника математике за средње школе // Настава математике и физике у средной школи. Год. II. №. 1. Београд, 1953.

²⁸ Saltikov Nikola, Histoire et évolution des mathématiques, «Comptes rendus du Deuxième Congrès des Mathématiciens des Pays Slavs». Praha, 1934.

²⁹ Спекторски Е. Живот и личност Теодора Тарановског // Архив за правне и друштвене науке. XXXIII—1. Београд, 1936. С. 220.

³⁰ Михальчич Р. История српског права у делима Теодора Тарановског // Руска емиграция у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 169.

³¹ Данилович Й. Допринос Теодора Тарановског српској правној историографији // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 180.

Неманичей, которая многие годы была для нас и трудом, и наслаждением. Прощаясь с ней, мы провожаем часть нашей жизни, а в определенном возрасте это немного грустно»³². Вскоре после этого Федор Васильевич Тарановский умирает в возрасте 61 года³³.

Филолог Степан Михайлович Кульбакин, как и Ф. В. Тарановский, благодаря своему положению в науке, имел возможность выбирать среди всех университетов, где изучался какой-либо славянский язык. Он выбрал Белград, так как уже опубликовал книги «Сербский язык» (1915, 1917) и «Хрестоматия сербского языка» (1915). Прочитируем известного сербского писателя Мешу Селимовича: «Степан Кульбакин, автор лучшей в мире грамматики старославянского языка, будучи практически полностью парализованным, преподавал на занятиях с удивительным оптимизмом и новизной»³⁴. Кульбакин глубоко погрузился в сербскую историю, изучая лучшую сербскую кириллическую рукопись XII в. — Мирославово евангелие³⁵. Тарановский развивал сербскую правовую историю, а Кульбакин — историю сербского языка, представив в работе палеографический и лингвистический анализ Мирославова евангелия (Сремские Карловцы, 1925), проведя орфографическое, палеографическое, лингвистическое и текстуальное исследование древнейшего полного памятника сербской письменности.

Благодаря интеллектуальному вкладу этих ученых в сравнительно короткое время сербская культура получила новые достоверные сведения о важных фактах своей истории. Поэтому и русское научное общество было принято в Белграде и Сербии полностью и без тени сомнения. Можно сделать вывод, что влияние этой группы русских ученых служит примером самого удачного взаимоотношения сербской и русской культуры в общем прошлом взаимных отношений. На всех уровнях они были прекрасно интегрированы в сербскую культуру. Группу

³² *Тарановски Т.* История српског права у Неманичкој држави. Београд, 1935. Т. II.

³³ Работу Тарановского и всей русской научной общественности в Сербии освещает научное наследие профессора юридического факультета Университета в Белграде — Сергея Троицкого, которое в 2008 г. стало впервые доступно исследователям. Архив содержит 157 документов, имеющих значение для истории науки, культуры и политики. Эти документы включены в фонд Любомира Бошкова в Архиве Войводино в г. Новый Сад.

³⁴ *Селимович М.* Сечаня. Београд, 1988. С. 90.

³⁵ *Йовичевич Р.* Допринос Степана Кульбакина српској палеославицици // Руска емиграција у српској култури XX века. Кн. 1. Београд, 1994. С. 220.

русских ученых нельзя назвать изолированной, ученые были полностью приняты новой средой, с которой легко нашли общий язык, что обусловило и более легкое психологическое примирение с вынудившим их к изгнанию историческим переломом, и продуктивное продолжение своих основных исследований, и получение результатов, равных или превосходящих достижения в России. Некоторые из них оказались в развитой научной среде, как, например, математик Антон Билимович, который работал совместно с Михаилом Петровичем-Аласом и Милутином Миланковичем, другие, как Николай Пушин, для продолжения своих основных исследований должны были поднять целую институциональную структуру. Но и одни, и другие дали сильный, ощущаемый и по сей день импульс сербской науке и заложили мост, через который еще предстоит перейти.

Перевод с сербского М.В. Хартанович